

КАК-ТО САМО-СОБОЙ РОДИЛСЯ ЭТОТ ЦИКЛ — О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ, О ЛЮДЯХ, МЕНЯ ОКРУЖАВШИХ. Я ОЧЕНЬ ОСТРО ОЩУЩАЮ, ЧТО УХОДИТ В НЕБЫТИЕ СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ, ЕГО ЛУЧШИЕ ГОДЫ, И ОСТАЁТСЯ ВСЁ МЕНЬШЕ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ СОВРЕМЕННОКАМИ ТОЙ ЭПОХИ, КОТОРЫЕ МОГУТ С ИСТОРИЧЕСКОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРЕДАТЬ ЕЁ КОЛОРИТ. Я ПИСАЛ ЭТЮДЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ — ЧТОБЫ ЗНАЛИ, ЧЕМ МЫ ЖИЛИ, КОГО ЛЮБИЛИ, КАКИЕ ПЕСНИ ПЕЛИ, КАКИМИ БЫЛИ НАШИ ИДЕАЛЫ. ИБО МЫ УЙДЁМ — И ЭТО ВСЁ УЙДЁТ С НАМИ...

УНИВЕРСИТЕТ

В 1974 году я стал студентом прославленного Казанского университета.

Моё поколение застало такое счастливое время, когда, закончив среднюю школу, молодой человек мог поступить в любой институт СССР. Так и я, выпускник казанской школы № 115, стоял перед выбором — то ли податься в Борисоглебское лётное училище (я уверен, что поступил бы туда, потому что у меня были хорошие оценки и отличное здоровье), то ли ехать в город своих родителей Ленинград и поступать в Океанографический институт, ибо, как и тысячи сверстников, бредил походами на Кон-Тики Тура Хейердала, а Юрий Сенкевич был моим кумиром на телевидении, или податься в журналистику — в школьные годы я много писал, читал за год по 250–270 книг, сочинял стихи и уже публиковал небольшие заметки в республиканских газетах. Но выбор профессии определил мой двоюродный брат Тауфик Сагитов, который был уже известным в республике журналистом и примером для меня. Он сказал: «Иди на историю, историк всегда может стать журналистом, а журналист историком — никогда». Так я, сын рабочего из казанского посёлка Караваево, выдержав конкурс 18 человек на место, оказался на историческом факультете Казанского университета.

Это было удивительное и незабываемое время. Как мы гордились, что учимся в Казанском университете! Имени Ульянова-Ленина! Каждый день мы встречали возле белых колонн бесконечные группы экскурсантов с волжских пароходов, плывущих ленинским маршрутом в Казань и Ульяновск. Безмятежные и счастливые годы...

* * *

Первый семестр у нас начался с уборки яблок в совхозе «Масловский». На сельхозработках с нами были представители ещё двух старших курсов, за месяц мы все

перезнакомились, узнали друг друга, многие подружились. У меня, к слову, сложились прекрасные отношения с третьекурсницами с отделения журналистики. Лёгкие на подъём, они были вездесущи, знали всё о городских тусовках и почти всегда брали меня на них с собой. Благодаря им, например, я попал на вечер юмора с участием студенческого театра эстрадных миниатюр (СТЭМ КАИ) и ансамбля «Зеркало» под управлением легендарного Николая Локая — попасть на такой вечер было нелегко даже тем, кто учился в КАИ.

Поначалу в наших двух группах историков шло притирание друг у другу. Мы были разделены как-бы на три группы. Самая большая из них — ребята, поступившие с рабфака. Они были старше нас, почти все служили в армии или работали на производстве, за плечами у них был немалый жизненный опыт, хотя и довольно слабые знания. Но это поначалу.

Другая группа — дети казанской интеллигенции: научной, творческой, военной. Их было немного, но они заметно выделялись уровнем знаний, особенно, иностранных языков, полученных в элитных казанских школах. В наших группах оказались дети Аяза Гилязова, Сажиды Сулеймановой, Адипа Маликова, Нонны Орешинной. Мы учились вместе с детьми университетских преподавателей со звучными уже в то время фамилиями: Литвин, Циунчук, Пельникевич, учились у нас и дочери высокопоставленных военных.

Довольно значительной была группа, к которой относился и я. Это дети из рабочей и сельской прослойки, поступившие, в основном, после школы. В отличие от своих «интеллигентных» сокурсников, мы, выходцы из трудовых семей, многое умели и были неплохо приспособлены к жизни: могли приготовить себе еду, разжечь костёр на берегу Камы в сырую погоду, при необходимости завести трактор и повести грузовую машину, с достоинством разговаривали с деревенскими подростками, претендовавшими на наших девчонок, а при необходимости могли дать им отпор. Мы неплохо разбирались в современной литературе и музыке, во всяком случае, знали популярные в то время зарубежные и советские группы и могли поддержать разговор на эту тему в компании. Словом, наши сокурсницы видели в нас людей сильных, волевых и мужественных, и мы составляли здоровую конкуренцию городским ребятам, выросшим в тепличных условиях.

Со временем эти разногласия сошли на нет, к концу учёбы все мы здорово сдружились и поддерживали друг друга, в том числе и после окончания вуза.

441 и 442-я группы истфилфака КГУ на Ленинском субботнике, 18 апреля 1977 г.

В годы учёбы в университете у меня было всё, из чего только могла состоять студенческая жизнь.

Я основательно учился, создавая серьёзные заделы в научно-исследовательской деятельности, что позже привело к успеху на Всесоюзном конкурсе студенческих работ (первое место). «Снежный десант», стройотряды, научные экспедиции, обожаемые преподаватели — настоящие светила науки, юношеская любовь — всё это было, было...

Я с величайшим удовольствием учился древней науке у замечательных педагогов И. М. Ионенко, М. А. Усманова, А. Х. Халикова, И. Р. Тагирова. Нас учили качественно! Из наших групп историков выпуска 1979 года на сегодняшний момент вышло 4 доктора (Александр Литвин, Искандер Гилязов, Алла Сальникова, Рустем Циунчук) и 5 кандидатов наук (Владимир Астафьев, Надежда Рычкова (Лештаева), Расиля Петрова (Хазиева), Ася Галеева, Рустэм Гайнетдинов). Вышли из «наших» и руководители КАМАЗа (Фярит Муртазаев, Владимир Естюнин), МВД Татарстана (Наиль Вахитов, Хамза Хасанов), директор совхоза (Рустем Харисов), директора школ (Александр Миронов, Зульфат Арсланов). А сколько моих сокурсников работает в музеях, детских учреждениях, вузах и школах (Галина Красильникова, Алла Тарвердян (Низамова), Светлана Орешина, Анвар Маликов, Рушания Габбасова, Венера Гиниатуллина и многие другие). Все они составляют ныне интеллектуальную элиту Татарстана...

Наши педагоги были учителями в полном смысле слова. Они не только передавали нам знания по своим дисциплинам, но и в буквальном смысле учили нас жизни, не скрывая её превратностей. В некотором смысле они были идеалистами и бессребрениками. Помню, как мой учитель Иван Михайлович Ионенко, получавший со всех своих учебных, научных и партийных должностей суммарную зарплату где-то около 500 рублей, как-то говорил: «Ну, куда мне столько денег...». Он же отказался от предлагаемой ему обкомом партии «Волги», сославшись, что машину водить-то не умеет...

Трудно было заподозрить хоть какую-либо корысть у обожаемых нами педагогов Григория Наумовича Вульфсона, Аркадия Семёновича Шофмана, Александра Васильевича Сергеева, Евгения Прокопьевича Бусыгина, Василия Ивановича Адо и многих других преданных науке, университету и стране людей.

* * *

Моя первая производственная практика прошла на археологических раскопках в Билярске и Больших Тиганах.

*Биляры мои, Биляры,
Поросшая степь травой...
Лавиной прошли татары,
Сравнили тебя с землёй.
Биляры мои, Биляры,
Зови или не зови,
Трава твоя стала рыжей
От горечи и крови.
Потянутся отовсюду,
В далёкий, забытый край —
Опять караван верблюдов
Придёт в Караван-сарай —*

Так пели мы, студенты-историки в археологической экспедиции 1975 года под руководством Альфёда Хасановича Халикова, песню на стихи челнинского поэта-

камазовца Евгения Кувайцева, сочинившего их в свой летний отпуск, который он посвящал раскопкам в Биляре. Познакомил нас с песней «Биляры» Саша Тарвердян. Мы звали его «Тер». Он на курс или два был старше и каждое лето безвылазно сидел в Биляре. Потом он женился на нашей одногруппнице Алле Низамовой. Оба они на заре нашей самостоятельной послевузовской жизни какое-то время работали в Бауманском Доме пионеров. Саша всю жизнь посвятил Национальному музею, Алсу сейчас фотограф.

А с автором песни «Биляры» Женей Кувайцевым я встретился позже, в 80-х годах в Набережных Челнах. Долго с ним дружил. Это его слова украшали въезд в город Набережные Челны:

Город дарю вам, построенный мной,
Живите!

Женя построил свой Белый город, а в глухие постсоветские годы как-то странно потерялся — пропал без вести...

В первый день экспедиции мы убежали с раскопок купаться. Альфред Хасанович нас наказал — заставил раскапывать старый пересохший болгарский колодец. Копали мы его неделю человек пять, попеременно меняясь (в узком песчаном колодце запросто можно остаться сдавленным под грунтом). Но копали с надеждой — вдруг на дне брошенный во время монгольского нашествия клад или болгарская красавица утопила в нём нечаянно горшок? Докопались до дна — до глины, до «материка», это метров 5–7 в глубину. Какое же было разочарование, когда на дне было пусто. С тех пор не люблю колодцы...

Ещё помню — воровали яблоки у одного злющего мужика на окраине Билярска, по дороге на Святой ключ. Сам ключ был в ужасном состоянии. Но почему-то он мне больше дорог, чем нынешний, обустроенный... А ещё знайте, самый вкусный хлеб в Татарстане — в Билярске. Всегда покупаю его, когда бываю там.

Жили мы в невероятно тяжёлых полевых условиях в старом Билярске. Повезло тем, кто уехал с Еленой Александровной Халиковой в Большие Тиганы на раскопки

Тиганская археологическая экспедиция, 1975 г.

древне-венгерского могильника IX века. Среди них был и я — эта фотография с тех самых раскопок.

Не знаю, есть ли сейчас у историков традиция — посвящение в археологи... У нас его проводили старшекурсницы — Аня Кочкина и Света Валиуллина, ныне директор музея археологии КФУ. Помню, пели сочинённый под известный мотив «Гимн археолога»: «Долго, упрямо, режем мы грунт... Веселей, ребята, выпало вам раскопать могильник у Больших Тиган»... А вместо «святой» водицы было какое-то дешёвое яблочное вино прибалтийского разлива — другого в местном магазине не было, а водку во время уборки урожая в колхозах не продавали...

Ежедневно перекидывали тонны чёрной земли, которая в жару рассыхалась в мелкую пыль и проникала всюду, под любую майку и платок. В местном магазине кончились туалетное мыло и дешёвый казанский шампунь. А мыться нужно было каждый день, иначе... завшивеешь. Покупали моющее средство «Мальву» для стирки белья и мыли им голову. Потом заметил, что начали выпадать волосы. Ничего в нашей жизни не проходит бесследно.

Но я всегда с теплотой вспоминаю ту экспедицию. Я специально к ней приготовил ярко-жёлтую майку с надписью «Kazan State University — Archeological Expedition» и гордо выхаживал в ней по раскопу. Когда работали в Тиганах на древне-венгерском могильнике, на раскоп приехал министр образования Мирза Махмутов, а вместе с ним венгерские учёные и кинооператоры. Вот тогда я стал «звездой экрана» — моя спина с надписью документально засветилась на импортной киноплёнке. Елена Александровна, будучи в Венгрии и посмотрев фильм, это мне удостоверила. Вообще, из меня мог состояться хороший археолог. Не состоялся... Может, выйдет неплохой мемуарист...

Улетали в Казань уже ближе к осени на «кукурузнике» с Билярского аэродрома. Насовали в шутку в чемодан сокурснику Зульфату Арсланову болгарских квадратных кирпичей с раскопок, он, бедный, оплачивал этот перевес на свои последние студенческие три рубля...

Никогда в своей жизни не откажусь от знойного полевого лета 75-го года...

* * *

Белоколонный мой университет, ты навсегда остался связанным с моей молодостью!

Одна моя знакомая сказала мудрую мысль, что у каждого человека должно быть своё любимое место в городе. Моё «место» — это «сковородка» на улице Ленина-Кремлёвской. Я бесконечно люблю университет, его двор, Кремлёвскую, где мы прожигали свои студенческие 40 рублей в кафе «Ял» в Пассаже, или, если не было места здесь, шли вниз на улицу Баумана в «Ёлочку»...

Казанский университет для меня — это огромная и главная школа общественной работы. «Снежный десант», комсомол — для меня это родственные и неразрывные понятия. Три года я руководил поисковым движением «Снежный десант» по линии комитета комсомола университета и сам совершил четыре похода... Моим неизменным командиром «десанта» был Рустем Бикмуллин — «солнечный» человек. Он всегда был первым. В студенческих походах «Снежного десанта» или в туристических походах на Камчатку, Байкал и Таймыр он брал самый тяжёлый рюкзак, шёл первым по глубокому снегу, вызывался первым подежурить ночью, когда неподалёку от наших палаток бродил медведь, первым бросался в ледяную воду Байкала... Как нам не хватает его...

Самый памятный — первый «белорусский» поход 1976 года. Мы прошли по следам 352-й Оршанской Бугульминской дивизии по заснеженным полям и просёлкам

Агитбригада «Снежного десанта» физфака КГУ. Первый слева — Рустем Бикмуллин. Белоруссия, 1976 г.

от Смоленщины до Минска, а затем проехали ещё и до Бреста. В начале маршрута сломал ногу наш командир, мы оставили его в госпитале Белорусского военного госпиталя в Борисове, а сами пошли дальше. Командование взял на себя Рустем Бикмуллин. Но и он вскоре жестоко простудился и слёг в интернате Смолевичской школы с высокой температурой. А вечером должен состояться наш шефский концерт, где Рустем сопровождал на гитаре литературно-музыкальную композицию, исполнял юмористические и татарские песни. Пришлось заменить его парнем, никогда не выходившим на сцену. Ничего, справились. А благодарные зрители, узнав, что Рустем болен, принесли ему мёд и белорусский самогон. Мы никогда не забудем доброту жителей этой удивительной республики, которые всегда были готовы прийти нам на помощь. Не забуду, как начальник госпиталя в Борисове дал мне свою генеральскую машину и солдат в сопровождение до поезда выписываемого командира.

Люди, живущие в областях, где прошла война, научили нас совсем по-другому смотреть на мир, относиться к войне и её участникам. Мы ощущали их доброту повседневно. Наша «десантница» Ирина Ермолина задерживалась с поисковой работой в посёлке Пено на Калининщине. Она опаздывала в соседний город Андреаполь, где мы уже готовились к концерту. Ирина — участница музыкальной композиции, исполняла военные песни. Но к концерту она успела — её посадил и довёз до Андреаполя машинист маневрового тепловоза. Другой возможности добраться в срок просто не было.

26 марта 1977 года я написал в университетской многотиражке «Ленинец» о «Снежном десанте» следующее: «Жить для других, волноваться за судьбы людей, делать больше, чем остальные — главное для десантника. «Рвут меня на части люди и дороги, рвут меня на части годы и тревоги» — поют десантники, и в этом их счастье, их смысл жизни». От этих слов, написанных 40 лет назад, я не отрекаюсь и сегодня.

Кстати, в студенческие годы я опубликовал в «Ленинце» не одну сотню статей.

* * *

Отдельная эпопея нашей студенческой молодости — это стройотряды. Добрая половина учащихся наших групп историков прошла через них. Истфилфаковский «Прометей» ковал кадры для зонального штаба ССО. Из него вышел командир зоны «Восток» Фярит Муртазаев, в штабе ССО занимали должности мои сокурсники Саша Миронов, Рустем Харисов, как-то затесался в их ряды Саша Литвин.

Мы неплохо зарабатывали в строительных отрядах. Это было важным, но не главным. В ССО мы проходили настоящую трудовую закалку, формировали и выверяли характеры. Лентяй и хитрец выявлялся на стройплощадке в первый же день. И, как правило, он уходил сразу — случайные люди здесь были не нужны.

Студенческие стройотряды — это самоутверждение, проверка силы воли, преодоление определённых препятствий. Это — романтика! Работа не из лёгких, а после неё и танцы, и знакомства, и общение с местными, и подготовка концертных программ, и игры в волейбол! В 23.00 специальная программа для нас по «Маяку» — «Для тех, кто в стройотрядах»... Как интересно мы проводили время! Каждому есть что вспомнить!

К стройорядовцам было огромное уважение и доверие в обществе. Помню, как я спешил к больному отцу и, одев стройотрядовскую робу, проехал на попутках бесплатно через весь Татарстан — от Азнакаево до Казани.

Я честно и с достоинством провёл в «Прометее» два сезона. До сих пор в Старой Александровке, Бикбулово (Мензелинский район) и Сарлах (Азнакаевский район) стоят построенные нами сельхозобъекты. А на третий год я уже сам повёз отряд из 43 девчонок на плодовоовощной комбинат в Симферополь. В его составе была и моя будущая жена... Руководить таким большим коллективом пришлось впервые и это был для меня первый опыт самостоятельной организационной работы. Тёплый, солнечный Крым лета 1978 года запомнился навсегда. Был мне тогда 21 год...

Пройдёт не так уж много времени, и в 29 лет я окажусь в Афганистане и буду решать сложнейшие боевые задачи по борьбе с вооружённой оппозицией, используя навыки самостоятельного принятия решений, приобретённые в годы учёбы в Казанском университете...

* * *

Мой университетский комитет комсомола, три года, проведённые в трёх его составах под руководством Юрия Александровича Гусева и Рияза Гатаулловича Минзарипова — это школа жизни, это друзья навек: Юра, Ряз, Миша Щелкунов, Джавдет Сулейманов, Володя Астафьев, Женя Минеев, Рашида Шакирзянова (рано ушедшая от нас), Неля Абдуллина... Мы были чрезвычайно активны и делали много хорошего и полезного. Ленинские сходки, «десанты», ССО, НИРС — мы не только организовывали их, но и сами были в гуще дел...

Комитет комсомола КГУ на 200-летию университета, 2004 г.

Закалка, полученная в студенческие годы, очень здорово помогла мне в Афганистане, помогала и после (за плечами 30 календарных лет военной службы и уже почти 10 лет государственной службы в Аппарате Президента Республики Татарстан).

Отмеченный в октябре прошлого года 100-летний юбилей Комсомола — это и мой праздник. Я никогда не отрицаю значение комсомола в жизни университета, да и в своей жизни. Наоборот, считаю, что те убеждения, то стремление к идеалу, которые пронизывали нас насквозь, помогли мне достойно прожить жизнь. Мы никогда не были бездушными «винтиками» «системы». Мы жили честно и, если заблуждались, то заблуждались искренне. Это были наши убеждения. Это уже с позиций нынешнего времени наши помыслы тех лет кажутся заблуждениями. Кому-то, но не нам...

УЛИЦА БАУМАНА

Центральная улица татарской столицы, носящая нетипичное для здешних мест имя. Восьмидесятые годы прошлого столетия. Улица Баумана, «Брод», угол ул. Чернышевского... На этом фото — все приметы того времени.

Посмотрите, какие простые платьица на казанских девушках! Всё натуральное, из советского ситца. Не поэтому ли женщины тогда меньше болели онкологией...

А родной 412-й «Москвичок» на углу! Мечта всех советских огородников (кстати, в 90-х годах не такая уж и недоступная).

Видна и открытая в любое время дня сапожная мастерская (дозволенный советский малый бизнес!) с резко пахнущим гуталином и висячими на дверях шнурками разных калибров для ботинок и кед (шнурки в XXI веке перевелись и исчезли из быта. Сейчас они скорее в диковинку, чем повседневное явление).

За светофором справа — киоск газ-воды с вкуснейшей газировкой с сиропом за 4 копейки (в автоматах газ-вода была по 3 коп., но сироп был бледненький, а в этом киоске сироп всегда наливали добросовестно). Вечно забытый 46-й автобус-«Икарус», идущий в один из наиболее растущих районов города — Ново-Савиновский. Венгерские «Икарусы»-гармошки были тогда чудом. Других заграничных автобусов в СССР не было. Мы их видели только в нечастых заграничных поездках (к этому времени я уже успел побывать в Польше и в ГДР, впереди был Афганистан).

Милая, провинциальная улица Баумана — именно такой осталась ты в моей мятежной студенческой юности...

Здесь случались с нами разные истории.

Вот одна из них. Жаркий день, в многочисленных учреждениях на Баумана все окна открыты настежь (кондиционеров тогда не было). Вдруг резкий шквал ветра — и из открытого окна в гостинице «Казань» (бывшие «Номера Щетинкина») вываливается целый оконный лист и, как гильотина, летит вниз прямо на нас. Прошёл он в сантиметре от носа Саши Литвина и разбился на асфальте вдребезги, обдав нас тучей мелких осколков. Саша — весь бледный. Всего несколько сантиметров и... Вот так могли мы потерять ныне уважаемого профессора Казанского федерального университета. Почти драматичная история...

Другая байка, рассказанная казанцем Владимиром Юриновым.

Такая же группа молодёжи (либо 10 класс, либо первый курс), именно в эти годы гуляет по «броду». На углу Баумана-Чернышевского подходит, как сказали бы сейчас, «алкаш» и просит мелочь. Кто-то из компании говорит ему: «А ты нас удиви!». Существо в помятом пиджаке мгновенно оценивает ситуацию, видит стоящий перед светофором троллейбус, подсказывает к нему и стягивает дуги. Потом так же моментально кричит какому-то прохожему: «Слышь, приятель, поддержи, я сейчас за рукавицами сбегая!». Вышел настоящий водитель и накомстылял ничего не понимающему бедолаге, держащему верёвки дуг... Компания валялась от хохота. Конечно, юмор жестокий, характерный для поры взросления, но мелочь свою этот бродяга заработал...

Казань, улица Баумана. Фото Леонида Абрамова

ТАУФИК САГИТОВ

Благодарен судьбе Язмышыма рэхмәтлемен

В мае 2017 года видный российский и татарстанский журналист Тауфик Камартдинович Сагитов отметил свой юбилей — 80-летие. К знаменательному событию в издательстве «Идель-Пресс» вышла в свет книга «Тауфик Сагитов. Благодарен судьбе. Язмышыма рэхмәтлемен», в которой его современники весьма подробно рассказали о жизненном и творческом пути юбиляра. Отдавая должное полноте и охвату данного великолепного издания, надеюсь, что и моё повествование добавит краски в яркий образ уникальной личности государственного масштаба.

Мы с Тауфиком Камартдиновичем — двоюродные братья, хотя и носим разные фамилии. Наши отцы — Камартдин и Бадретдин — родные. Наш прапрадед Сагит (фамилия у Сагитовых от него) был достаточно зажиточным крестья-

нином. В семье было заведено, что одного из сыновей — обычно, самого смышлёного — отправляли учиться в Казань. Такая доля выпала нашему прадеду Гайнетдину (от него наша фамилия) — он окончил Казанскую учительскую школу. В свою очередь, он тоже не прервал традицию — направил сына Шарафутдина, нашего деда, учиться в Казань. Шарафутдин в совершенстве овладел русским языком и проявлял незаурядные способности в математике. Военную службу он проходил в императорской гвардии, в престижном Царскосельском полку. Служил музыкантом в полковом оркестре, и на одном из военных смотров получил из рук Его Величества Императора Николая II серебряный портсигар фирмы Мейера в награду за добросовестную службу. Реликвия эта бережно хранится правнуками.

Обладая превосходными для своего времени знаниями, Шарафутдин Гайнутдинов, конечно, оказался достаточно востребованным человеком — работал служащим на предприятиях и в конторах Астрахани, Царицына, Казани. Сколотив капиталец, накануне революции вернулся в родную деревню Каенлык (Черки-Дюртиле) Буинского уезда, где построил большую ветряную мельницу.

Недолго дед хозяйствовал на ней — в 1917-м году её экспроприировал деревенский Комитет бедноты. Другие говорили, что, будучи человеком дальновидным, Шарафутдин сам передал её комбеду, и тем самым сохранил право работать на ней мельником. Данное обстоятельство сильно помогло нашей многочисленной семье пережить голодный 1921-й год. Но гроза 30-х годов не миновала сельского труженика. В 1931-м году дед, как середняк, попал под раскулачивание, был осуждён на 5 лет лагерей, пошёл по этапу на строительство Беломорканала. Но уже в 1935-м вернулся с похвальной грамотой Сталина за добросовестный труд. Всю оставшуюся жизнь он

вёл себя очень тихо... Наверное, ранняя ссылка деда спасла его от неминуемой гибели в 1937-м — из нашей деревни через застенки НКВД прошли около 50 человек, в том числе расстреляли мулл обеих мечетей. Таких «потерь» в мирное время в Буинском районе не понесла ни одна деревня.

А мельница добросовестно служила сельчанам до середины 60-х.

В 1962 году нашу местность электрифицировали и мельницу разобрали, при этом случайно нашли хорошо укрытый под полом погреб, в котором оказались мясные консервы, предусмотрительно заготовленные дедом. К всеобщему удивлению, через 40 лет законсервированные продукты сохранились в отличном состоянии. Обнаруженную тушёнку отдали отцу, случайно оказавшемуся в деревне. А мельничный сруб был настолько крепок, что простоял бы ещё сто лет...

От нашего родового имущества осталась на память лишь эта фотография.

КАМАРТДИН

Дед был мудр и прозорлив — ещё до ссылки собрал старших детей: Камартдина, Бадретдина (моего отца), и сказал: «Времена непростые, дальше будет ещё сложнее. Сейчас в почёте только бедняки. Моё социальное положение не даст вам покоя. Давайте что-то делать». Вот тогда-то старший Камартдин, воспользовавшись начавшейся паспортизацией населения, сменил фамилию, взяв имя прапрадеда и став Сагитовым. Мой отец сменил лишь одну букву в фамилии, став Гайнетдиновым. По решению семьи он в 17 лет уехал из деревни на строительство Шатурской электростанции в Подмоскowie. Затем отец мостил дороги в Москве, в 1932-м переехал в Ленинград, где жила старшая сестра Рабига. Устроился на знаменитый Путиловский (Кировский) завод. Здесь же в 1937-м встретил семнадцатилетнюю Галию, свою односельчанку, будущую мою мать, и отсюда ушёл на фронт в 1941-м...

Смена фамилии помогла Камартдину удержаться «на плаву». Просматривая архивные дела 30-х годов на репрессированных односельчан, я неоднократно встречал имя отца Тауфика в числе передовых строителей колхозной жизни и активистов деревенской комсомольской организации. В это время он уже женился, жил в отдельном доме.

Война застала Камартдина в деревне. Уже на другой день после объявления мобилизации он, оставив четверых детей, уезжает в Казань, где в составе 208-го стрелкового полка 18-й Казанской стрелковой дивизии убывает на фронт, в Белоруссию. Уже 3 июля дивизия достигла переднего края обороны, а 4 июля вступила в бой. Это была первая дивизия, которая не отступила и на несколько дней остановила

гитлеровцев, опьянённых успехами наступления. Полк защищал днепровский рубеж на самом танкоопасном направлении под Оршей и полёт полностью, но не пропустил врага. Здесь, в Оршанском районе, похоронен или просто зарыт в придорожной яме или воронке от снаряда мой дядя Камартдин Сагитов. Для похорон тогда не было времени, да и некому было хоронить павших воинов. К тому же, в первые месяцы войны немцы собирали медальоны и документы погибших, оставляя тела на поле боя безымянными... Полвека он числился без вести пропавшим. Сведения о нём мы нашли лишь в конце 90-х благодаря поисковой работе «Книги памяти». 70 лет ищем могилу Камартдина, но, видимо, уже не суждено найти...

А в 1942-м пришла похоронка и на младшего братишку, дядю Исмагила... Если учесть, что на фронте пал смертью храбрых муж сестры Ибрагим, а также младший братишка моей матери Габдулхак, то только из нашей семьи война забрала четверых... Мы помним их... Дорога цена Великой Победы...

КАЗАНЬ

Их трёх родных братьев лишь мой отец Бадретдин вернулся с войны живым в 1946 году, пройдя две войны — белофинскую и Отечественную. Долгих 9 лет ждала его мама. Она перенесла ленинградскую блокаду и вышла по Ладоге, по последнему льду в апреле 1942-го...

Расписавшись в январе 1946 года в Каенлыкском сельсовете, родители вновь собрались в любимый Ленинград, но бабушка Шамсикамал слёзно просила обосноваться поближе — чтобы могли навещать почаще... Так и остались в Казани, в Бишбалте, сняв комнату в частном доме на Милицейской улице. Бадретдин устроился на хорошо оплачиваемую работу на листопрокатный завод, к концу своей трудовой деятельности был в должности машиниста прокатного стана.

Для детей погибших братьев Камартдина и Исмагила он остался за отца, взяв на себя обязанности по поддержке семьи Сагитовых. Первым он увёз из деревни старшего Талгата, устроив его в ремесленное училище № 3 при авиационном заводе. Вслед за ним в Казань перебрались Рифкат и Тауфик, которые также пошли в ремесленное училище по стопам старшего брата. Благо, «ремеслуха» давала место в общежитии и гарантированную работу.

Через квартиру моих родителей в Бишбалте прошли все Сагитовы. Они знали, что в доме Бадретдина их обогреют, накормят, помогут, поддержат. На долгие годы наша семья стала центром притяжения для всех родственников со стороны отца и матери (Сагитовых и Низамиевых), перебивавшихся из деревни на жительство в город. Съёмная квартира родителей в Адмиралтейской слободе стала для них общим домом. Братья всегда приезжали сюда по воскресеньям, когда уже жили самостоятельно в общежитиях. И они вспоминают, что моя мама заставляла их привозить с собой грязные вещи, копившиеся за неделю, и, пока они были у неё, успевала постирать и выдать свежее бельё.

Казанский авиационный завод имени С. П. Горбунова стал родным для Сагитовых. Ведущее предприятие столицы Татарстана в 50-е — 60-е годы стремительно расширяло производство, одним из первых в стране перейдя на выпуск линейки реактивных самолётов гражданского и военного назначения. На предприятии шёл активный процесс набора и подготовка квалифицированных рабочих и инженеров для производства, в центре которого оказались и Сагитовы. Все три брата получили среднее образование в школе рабочей молодёжи, а после службы в армии поступили в разные

вузы города на вечернее отделение, одновременно работая на заводе и вырастая до руководителей различных служб и подразделений авиазавода. В одном тандеме с ними была и младшая сестра Равия.

Надо сказать, что большинство представителей семей Сагитовых (жёны, мужа, дети и снохи) также посвятили часть своей биографии авиационному заводу № 22. Равия Камартдиновна как-то посчитала, что на КАПО им. Горбунова работало 14 членов семей Сагитовых и двое Гайнетдиновых, а общий трудовой стаж династии составил 472 года.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В 50-е годы работникам 16-го и 22-го заводов на производстве давали беспроцентные кредиты на строительство и выделяли стройматериалы. И «заводские» возводили целые белокаменные улицы из силикатного кирпича в рабочих посёлках Ново-Караваево и Северный. Эти дома в три-пять комнат, позже газифицированные, с шестью полагающимися сотками земли казались нам тогда верхом материального благополучия.

Не остались в стороне и Сагитовы — после работы и учёбы, а также в выходные дни всей семьёй строили дом в посёлке Северный. В 1956-м построил дом в Караваево и мой отец.

Мне было всего пять-шесть лет, но в детской памяти отчётливо запечатлено, как все вместе отмечали юбилеи, окончание вузов, свадьбы и рождение детей. Главным праздником был День Победы 9 Мая. Такую традицию завёл старший брат Талгат.

Благодарные дети Камартдина собирались у нас, чтобы поздравить не только моего, но и общего теперь отца-фронтовика с праздником. Мать к этому дню резала самую жирную курицу и доставала из погреба компот, а иногда яблоки, которые умудрялась схоронить даже от нас с братом...

Отец виду не подавал, но всегда ждал этого праздника. Он был непьющий, но однажды на 9 мая я привёз ему из крымской командировки бутылку фирменного массандровского вина. И сказал ему: «Это вино пьёт сам Брежнев». Отец очень уважал Леонида Ильича, и в праздник всё-таки решился открыть вино. Выпил пару напёрстков, причмокнул, и многозначительно произнёс: «Да, Брежнев — не дурак...».

Такой праздник в нашем доме проводился ещё раз осенью, после сбора урожая в саду. К осенней встрече уже вырастали молодые бройлерные курочки, созревали крупные, румяные яблоки, мама берегла для салата самые сочные и красные помидоры. Блюда были бесхитростные: наряду с традиционной лапшой ручной нарезки и пюре из картошки нового урожая были, конечно, пироги.

Я очень ждал эти праздники, для меня самыми впечатляющими были разговоры мужчин. Обычно в перерыве застолья собирались в кружок Талгат, Тауфик и отец — он всю жизнь выписывал газеты, читал их до последней буквы и довольно неплохо разбирался в политике. Талгат абый, как правофланговый производства (работал начальником 79-го гальванического цеха КАПО) рассказывал о заводских новостях, о выпускаемых самолётах, Тауфик Камартдинович же был наиболее информативен в республиканских и международных событиях. Отец много спрашивал, интересовался, куда может завести тот или иной политический процесс или кризис. Я же вертелся возле них и жадно впитывал услышанное. Именно от них я впервые узнал о Кубе. Фиделе Кастро, услышал непонятные мне фамилии диктатора Чомбе, друга СССР Патриса Лумумбы, имена космонавтов и многое другое.

Сейчас я понимаю, что именно эти разговоры и споры заложили во мне ещё в детском возрасте интерес к общественной жизни, к истории и политике, любовь к родному краю и своему городу, которые получили дальнейшее развитие в юношеские годы опять же не без влияния Сагитовых.

ЖИЗНЕННЫЙ ВЫБОР

Тауфик Камартдинович Сагитов стал для меня примером для подражания. Помню разговоры взрослых о том, что у Тауфика рискованная и опасная профессия. В 1964 году, например, машина, на которой он ехал в журналистскую командировку, перевернулась на крутом спуске под Мамадышем. Тауфик абый долго лежал в больнице, но выкарабкался. Мы сильно за него переживали.

Он стал для меня ориентиром и в выборе профессии. Ещё в школьные годы я много писал, были опубликованы заметки в «Пионерской правде», в «Юном натуралисте», а в конце своих школьных лет подружился с легендарной Юлией Колчановой, освещая на страницах «Комсомольца Татарии» деятельность городского комсомольского штаба «Ровесник». Юлия Фёдоровна терпеливо учила меня азам журналистики, не жалея времени на разбор моих первых опусов. А когда в выпускную весну состоялся день открытых дверей КГУ, я, конечно же, пошёл на кафедру к корифею татарстанской журналистики Флориду Агзамову. Так что к концу школьной жизни я, можно сказать, уже определился — журналистика, и только!

С этим и пришёл к Тауфику Камартдиновичу. Он работал старшим редактором промышленного отдела на Татарском радио и был известным в республике журналистом. Он же меня ошарашил, словно обухом по голове: «Ашыкма!» («Не спеши»). Сейчас, по прошествии многих лет, я знаю, что это жизненное кредо Сагитова — никогда ни в чём не спешить и всегда принимать обдуманное и взвешенное решение.

«Не спеши, — ещё раз повторил Тауфик абый. — У тебя же хорошо получается на общественном поприще, может, тебе в этом направлении себя попробовать?». Действительно, к своим 17 годам я уже имел «солидную» комсомольскую биографию — был комсоргом, членом комитета комсомола школы, затем стал секретарём школьной комсомольской организации, последние полтора года был членом ГКШ «Ровесник» при горкоме комсомола. Выступал на радио на темы комсомольской жизни.

«Иди на историческое отделение, — продолжил Тауфик абый. — Историк всегда может стать журналистом, а журналист историком — вряд ли!».

Вот так он и определил мой жизненный путь, за что я ему благодарен всю жизнь. Я с величайшим удовольствием учился этой древней науке у замечательных педагогов

И. М. Ионенко, М. А. Усманова, А. Х. Халикова, И. Р. Тагирова, был в центре общественной жизни, успешно окончил вуз и впоследствии, опять же по примеру своего брата Т. К. Сагитова, защитил кандидатскую диссертацию, став специалистом по истории зарубежной татарской диаспоры. И, как и предрекал Тауфик абый, посвятил себя работе на «общественном поприще» сначала во Всемирном конгрессе татар, а сейчас и на государственной службе.

Журналистику тоже не забросил. Ещё в студенческие годы опубликовал в «Ленинце» и республиканских изданиях не одну сотню статей. Пишу и сейчас, в том числе статьи и книги по избранному когда-то научному профилю.

РАДИО

В студенческие годы после занятий я часто забегал к Тауфику абый в его «скворечник» в радиокomitee на Горького, 15. Мне кажется, что эта небольшая комнатка была тогда средоточием для всего Татарского радио. В ней обитали не только мой брат и добрый его коллега Леонид Букштейн, но постоянно заходили другие сотрудники — кто за советом, кто за помощью. Характер работы промышленной редакции подразумевал знакомство с крупными хозяйственными, партийными и муниципальными руководителями — это позволяло решать вопросы, в том числе и житейские. Да и по натуре Тауфик Камартинович был компанейский, привлекающий к себе людей. Поэтому «связи» у него были обширные и многие шли к нему. Главное — он никому не отказывал, или почти не отказывал, потому что иногда встречались и люди корыстные. Таких Тауфик абый быстро «раскусывал».

Меня, в частности, удивляло его знакомство со всеми медиками города. В любой больнице у него были «свои люди». При том, что это было не совсем по профилю его редакции. Просто он сам был такой притягивающий человек. И помогал всем, кому нужна была помощь по медицинской части. Думаю, что далеко не праздный интерес Тауфика к людям в белых халатах повлиял на выбор профессии его детей.

В середине 70-х я часто не заставал его на рабочем месте. Приближался пуск КамАЗа, и, как правило, то Леонид, то Тауфик, а то и оба вместе были в постоянных командировках в автограде. Всесоюзная ударная стройка на Каме — это была вершина творческого взлёта журналиста Тауфика Сагитова, в которую он вкладывал всю свою душу и незаурядный талант.

Иногда бывало, что он брал меня с собой в студию на запись передачи. И я попадал в удивительный мир внутренней кухни информационного вещания! Тауфик абый больше всего любил записываться в Большой студии — она действительно очаровывала своими размерами, оборудованием и...тишиной (её стены, обитые специальной ячеистой плиткой из пенопласта, «гасили» на корню все звуки). С гордостью он перечислял мне имена выдающихся артистов, музыкантов, писателей, которые записывались в данной студии, знакомил с легендарными дикторами. При этом у него были свои любимые звукооператоры. Чаще всего он любил записываться с Санией Хаматовой. Оценивая её мастерство звукооператора-монтажёра, Тауфик Камартинович говорил мне, что она может вырезать из твоей речи даже запятую. Знаю, что до сих пор они работают вместе.

Доводилось и мне не раз выступать в эфире. Конечно же, чаще всего инициатором был Тауфик абый. В назначенный день меня слушали родные, знакомые. Самый большой эффект узнавания был среди старшего поколения, а также в деревне — это была неизменная и постоянная аудитория Татарского радио.

Многие соратники Тауфика Сагитова отмечают его феноменальную память на людей, события, даты. Мне тоже доводилось в этом удивляться.

В конце 80-х годов я жил в Набережных Челнах и занимался сбором материалов для Музея органов безопасности Закамского региона. В процессе поиска раскопал удивительную историю о приземлении космического корабля «Восток» с собакой Чернушкой в марте 1961 года в Заинском районе Татарстана. Встречался с активным участником этих событий Т. Н. Селезнёвым, после в архиве КГБ Татарстана нашёл документы, подтверждающие эти факты. Будучи в Казани, рассказал о своей находке Тауфику Камартдиновичу (он был в должности заместителя председателя Комитета по радио и телерадиовещанию ТАССР).

«Погоди-ка, мне же наш Ильяс Латыпов рассказывал об этом случае», — остановил мой рассказ Тауфик абый. Я тоже вспомнил слова Т. Селезнёва о том, что Латыпов, челнинский журналист, оказавшийся в районе космического «ЧП», снимал на свой фотоаппарат весь процесс разборки спускаемого аппарата и присутствующих при этом высоких чинов из числа военных и учёных, прибывших из Москвы (были Каманин, Парин, Книжник и др.), но вот только воспользоваться своей удачей Ильяс не смог — плёнку отобрали бдительные чекисты.

«Пойдём в студию, — говорит мне Тауфик, — расскажи обо всем на микрофон, радиослушатели должны знать эту историю, мы её и в воскресный радиожурнал «Между Волгой и Уралом» на шесть республик дадим». Тут же он нашёл и Ильюса, и мы вместе в уже знакомой Большой студии записали шикарную передачу об этом знаменательном событии.

В этом небольшом монологе — весь Тауфик Камардинович с его решимостью и хваткой, масштабным видением актуальной темы и удивительно бережным отношением к своим коллегам и друзьям.

ДРУГ, СОВЕТНИК, БРАТ

Мы вместе, считай, 60 лет — я появился на свет в год, когда молодые братья Рифкат и Тауфик друг за другом создали свои семьи.

Все эти годы для нас, его близких и родных, он остаётся простым и доступным, никогда не унывающим человеком. Не бывает недели, чтобы он не позвонил, не справился о делах, здоровье. Помнит все дни рождения, при всей своей занятости никогда не отказывается от приглашений на поминальные и другие мероприятия родственников. Я хорошо знаю его семью, талантливых детей. С Ильшатом Тауфиковичем мы ровесники, росли вместе, в молодости у нас были общие увлечения в сфере отечественной и зарубежной музыки, и до сих пор помню, как мы живо обменивались новыми записями «Бони М» или «АББЫ», или отечественными рок-операми.

Не всегда мы были рядом — 18 лет я провёл вне Казани: в Набережных Челнах, Ташкенте, Афганистане. Но почти всегда, бывая в столице, старался увидеться с ним.

Я помню самые тяжёлые для него 90-е годы, когда под предлогом «независимости» некоторые «самостийники» пытались сломать, растащить созданную не ими единую систему телерадиовещания, а Тауфику Камартдиновичу, яростно сопротивлявшемуся разрушительным процессам, пытались приклеить ярлык «врага татарского народа».

Помню, как он активно включился в ускоренный процесс реформирования республиканского телерадиовещания. Путём сложных переговоров с Москвой удалось сохранить государственную телерадиокомпанию с традиционной тематикой и содержанием любимых народом передач, и создать республиканский телерадиоканал, круглосуточно доносящий во все уголки мира богатейшую татарскую культуру и информацию о современной жизни народа и республики.

И уже никого не удивляет, что в татарстанском радиовещании сохранены и получили развитие лучшие традиции и богатейший опыт, накопленный предыдущими поколениями, начиная с Шамиля Усманова!

Напомню только один факт: именно благодаря Сагитову было сохранено национальное достояние татарского народа – золотой фонд редчайших музыкальных записей деятелей татарской культуры, бережно создаваемый десятилетиями на Татарском радио. Сегодня татарстанцы благодарны мудрому Тауфику Камартдиновичу и за это.

Фото из архива Р.Б. Гайнетдинова

